

УДК 339.9

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СТРАН МАГРИБА С ЕВРОСОЮЗОМ В УСЛОВИЯХ РОСТА РЕГИОНАЛЬНОЙ И ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Секачева А. Б.

*Дипломатическая Академия Министерства Иностранных Дел Российской Федерации, Москва,
Российская Федерация
E-mail: aline_ph@rambler.ru*

В статье рассматриваются особенности, направленность и динамика внешнеэкономических связей стран Магриба с Евросоюзом на современном этапе развития мировой экономики. Отмечено, что усиление глобальной и региональной нестабильности негативно отразилось на экономических отношениях европейских государств со странами Северной Африки. Проанализированы основные направления внешнеэкономической стратегии Евросоюза в отношении стран Магриба и указано, что существующие конфликты на их территории негативно отражаются на двусторонних отношениях. Раскрыты возможные направления активизации экономического сотрудничества между странами Магриба и ЕС в контексте преодоления существующих вызовов и угроз региональной безопасности.

Ключевые слова: Магриб, Африка, ЕС, внешнеэкономические связи, глобальная и региональная нестабильность.

ВВЕДЕНИЕ

В современной научной литературе к Магрибу относят шесть стран Северной Африки: Ливию, Тунис, Марокко, Алжир, Мавританию и частично признанную Западную Сахару. В арабском языке Эль-Магриб означает «запад» («там, где садится солнце»), то есть к нему относят территории, расположенные к западу от Египта [31]. Идея их объединения появилась довольно давно, но к практическому ее воплощению приступили только после окончания Второй мировой войны. Так, в 1948 г. в Египте (Каир) был создан Комитет по освобождению Магриба, а в начале 1950-х гг. Марокко, Тунис и Алжир объявили о своем стремлении создать союз, который помог бы им избавиться от колониальной зависимости. Территории этих стран объединяла общая история и религия (ислам), а также арабский язык. Но только в 1989 г. пять стран данного региона (кроме Западной Сахары) подписали соглашение о создании Союза арабского Магриба (САМ), целью которого было объявлено создание политического и экономического интеграционного объединения. Штаб-квартира указанной организации расположена в г. Рабате (столица Марокко).

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

1. Роль и место стран Магриба на африканском континенте

В настоящее время в Магрибе проживает около 100 млн чел., большинство из которых имеют арабское, берберское или смешанное арабско-берберское происхождение.

Стремление к интеграции вызвано тем, что в данном регионе имеются значительные запасы природных ресурсов – природный газ, фосфаты, нефть и

некоторые другие полезные ископаемые. При этом «еще одним преимуществом является близость региона к Европе» [41].

Вместе с тем как российские, так и зарубежные ученые подчеркивают, что САМ фактически не работает, «находится в аморфном состоянии и не играет заметной роли в мировой политике». Ее институциональные структуры не функционируют, а Магрибский банк инвестиций и внешней торговли «существует только на бумаге» [11]. Причинами такого положения дел являются неразрешенные противоречия между членами Союза и рост региональной нестабильности, который во многом инициируется западными странами, в первую очередь, входящими в Евросоюз. Различия в политических режимах всех пяти стран Магриба, недостаточный для интеграции уровень экономических отношений, территориальные претензии, различная внешнеполитическая и внешнеэкономическая ориентация и другие факторы препятствуют этому Союзу превратиться в полноценное интеграционное объединение.

Но такая проблема стоит не только перед странами Магриба. По мнению южноафриканского исследователя Асмиты Паршотам, повышение уровня региональной интеграции и внутриафриканской торговли уже давно является приоритетным направлением деятельности государств континента. Это вызвано тем обстоятельством, что в период с 2000 по 2017 годы доля африканских экспортных поставок в страны, находящиеся вне континента, колебалась от 80 до 90 %, а доля внутриафриканского экспорта в 2017 г. составляла всего 16,6 %. Причиной такого положения является региональная политическая нестабильность и разные подходы к внешнеторговой политике, которые, в свою очередь, определяются различной геополитической ориентацией стран континента. В результате этих неоднозначных и противоречивых процессов к 2020 г. только шесть из более чем 30 многосторонних соглашений были ратифицированы всеми пятью государствами-членами САМ. Эти шесть соглашений ставили задачи создания Банка инвестиций и внешней торговли Магриба, увеличения объемов торговли сельскохозяйственной продукцией, поощрения и гарантирования инвестиций, роста наземных перевозок пассажиров и товаров, разработки и соблюдения правил сельскохозяйственного карантина, исключения двойного налогообложения и подоходных налогов. Но политическая нестабильность в Ливии, территориальные споры между странами Магриба затрудняют процессы урегулирования региональных конфликтов и углубления экономических отношений. Следствием этого стало сокращение взаимного экономического сотрудничества, низкий уровень трансграничной торговли и более высокие тарифы между странами Магриба. В результате, по динамике интеграционных процессов САМ уступает другим африканским группировкам, таким как Восточноафриканское сообщество, Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), Сообщество развития Юга Африки, которые имеют более высокий уровень внутрорегиональной торговой интеграции. [15]. В докладе Всемирного банка об экономическом сотрудничестве стран Магриба подсчитано, что более глубокая интеграция, привела бы к увеличению реального ВВП на душу населения в период с 2005 по 2015 год на 34 % в Алжире, на 27 % – в Марокко и на 24 % – в Тунисе [40]. Но авторы доклада увязывают процессы

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СТРАН МАГРИБА С ЕВРОСОЮЗОМ...

региональной интеграции с либерализацией экономики, что позволяет обоснованно усомниться в достоверности их расчетов.

Непростые отношения у стран Магриба складываются с Африканским союзом (АС), созданным в 2001 г., в который сейчас входит 55 государств. Марокко являлась единственной страной, которая выходила из АС, но в 2017 г. вновь стала его членом [16]. По оценке европейских исследователей, «хотя Северная Африка долгое время рассматривалась как отдельная от остальной части континента, в последние годы усилилась риторика вокруг взаимодействия стран Магриба с Африкой к югу от Сахары». Они делают вывод, что возможно, это «попытка сделать очевидными уже существующие политические связи и растущие экономические отношения» [18].

Значительный урон интеграционным процессам на африканском континенте нанесла эпидемия COVID-19, в результате которой, по оценкам британских исследователей Оксфордской бизнес-группы, страны Магриба столкнулись с серьезными проблемами. Особенно негативно пандемия отразилась на туристической отрасли, что привело к ее почти полному закрытию. Вместе с тем, в исследовании указывается, что хотя распространение болезни имело серьезные экономические и социальные последствия, одним из ее положительных побочных эффектов в регионе Магриба «стало быстрое и широкое внедрение цифровых решений, начиная от бесконтактных платежей и заканчивая инновационными подходами к дистанционному обучению и работе» [20]. Но, по нашему мнению, представляется крайне сомнительным, что ускоренная цифровизация позволит решить проблемы стран Магриба, поскольку до начала пандемии структура их национальных экономик была малодиверсифицированной.

Таблица 1.

Вклад обрабатывающих производств и всех отраслей промышленности в ВВП стран Магриба в 2018 году

	Обрабатывающие производства, добавленная стоимость в % от ВВП	Всего отраслей (включая строительство), добавленная стоимость в % от ВВП	Главная экспортная продукция
Алжир	27,2	39,6	Газ, нефть
Ливия	н/д	н/д	Газ, нефть
Марокко	15,7	25,9	Сельскохозяйственная продукция (включая рыболовство), текстиль, удобрения, автомобили, самолеты и космические аппараты
Мавритания	7,4	26,1	Металлы, мороженая рыба
Тунис	14,3	22,7	Электрические компоненты, легкая техника, детали оборудования, оливковое масло и текстиль

Источник: Asmita Parshotam. Regional Integration for the Arab Maghreb Union: Looking Beyond the Horizon. URL: <https://www.kas.de/documents/>.

Как и многие другие страны Африки, государства САМ в последнее десятилетие столкнулись с резким увеличением соотношения внешнего долга к ВВП и ростом бюджетного дефицита. Рост задолженности и сокращение бюджетных расходов могут препятствовать усилиям по региональной интеграции, инфраструктурным проектам и реализации социальных программ. Существенными проблемами в регионе является также опустынивание сельскохозяйственных земель и дефицит водных ресурсов [32], что негативно отражается на его продовольственной безопасности.

Эти ограничения, по мнению Паршотам, должны учитываться при долгосрочном прогнозировании и лежать в основе стратегий стран Магриба по повышению устойчивости и конкурентоспособности в борьбе с внешними шоками, такими как пандемия [15]. Насколько это удастся сделать в условиях растущей глобальной и региональной нестабильности, прогнозировать крайне сложно.

2. Этапы политического и экономического взаимодействия Европы со странами Магриба

История Магриба тесно связана с Европой. В первой четверти XIX в. западноевропейские государства начали активную его колонизацию. При этом Франция превратилась в доминирующую колониальную державу в данном регионе – захватив прибрежную зону Алжира в начале XX в., она стала контролировать большую часть Магриба и Западной Африки [22]. Испания оккупировала территорию современной Западной Сахары и северного побережья Марокко, в то время как Италия завоевала район, который сейчас называется Ливией. После Второй мировой войны она стала первой страной в регионе, получившей независимость, за ней последовали Тунис и Марокко. Алжир стал суверенным в 1962 г. после длительной борьбы с французской армией. Испания оставила территорию современной Западной Сахары в 1976 г., после чего Марокко немедленно заявило о суверенитете над ней, но это требование было отвергнуто жителями анклава, что привело к их вооруженному сопротивлению марокканской армии.

Конфликт в Западной Сахаре остается нерешенным до настоящего времени [30]. Эта проблема препятствует региональной интеграции и негативно отражается на торгово-экономических связях между североафриканскими странами. Такая ситуация вполне устраивает страны–члены ЕС, в первую очередь, Францию, которая имеет традиционно сильные позиции на африканском континенте, подкрепленные тем фактом, что основным языком в значительной его части является французский [34].

Как считает выходец из Франции, живущий в России, журналист и блогер К. Б. Малапарт, пока бывшие колонии не обретут реальную экономическую независимость, их государственный суверенитет не может быть обеспечен. Он обоснованно указывает на то обстоятельство, что странам Африки невозможно развиваться, пока Франция контролирует их экономическую политику. Малапарт отмечает, что даже гуманитарная помощь африканским государствам в виде кредитов из их же средств предоставляется при условии, что они будут затрачены на

европейские товары и контракты с французскими компаниями. В конечном счете, по его мнению, Франции удалось подчинить «бывшие колонии до такой степени, чтобы свести на нет их независимость» [7].

В сущности, это неоколониальная модель развития, то есть реализация концепции, в соответствии с которой политические, социально-экономические и культурные факторы позволяют одному государству (как правило бывшей метрополии) эксплуатировать другое государство, последнее из которых обычно было ранее колонизировано. Термин «неоколониализм» ввел в оборот первый президент Ганы К. Нкрума, который утверждал, что эта концепция полностью применима к Африке, и именно она объясняет хроническую бедность на континенте. Ее основными положениями являются следующие: метрополия продолжает активно вмешиваться в дела формально независимого государства; господствующее государство оказывает определяющее экономическое или финансовое влияние на неоколонизированные территории или ориентируется на них как на пункты доставки товаров; эксплуатации зависимых стран активно способствуют международные экономические и финансовые организации; правящие элиты на неоколонизированной территории ставят интересы метрополии выше жизненных потребностей своего собственного населения.

Для исключения негативного влияния перечисленных факторов бывшие колонии, по мнению британского историка Р. Янга, не должны подвергаться давлению со стороны западных стран, потому что как только они попадают под их влияние (экономическое, политическое, культурное), они становятся постоянно зависимыми [34], что и определяет их отставание во всех сферах жизнедеятельности общества и государства.

Указанные компоненты неоколониальной модели развития в той или иной степени присущи всем странам Магриба. Но сохраняющаяся зависимость этих стран от бывших метрополий носит двусторонний характер, что наиболее отчетливо проявляется в миграционной сфере. Неконтролируемые перемещения мигрантов из Магриба в страны ЕС, достигшие максимума в 2015–2016 гг., являются одной из причин растущей экономической и политической нестабильности на европейском континенте. Исторические связи, географическая близость, усиление интеграционных процессов в Средиземноморском бассейне, события «арабской весны», агрессия против Ливии и ряд других факторов способствуют росту миграционных (в том числе нелегальных) потоков из Марокко, Туниса, Алжира, Ливии. Так, в 2014–2017 гг. в Италию с берегов Ливии ежегодно прибывали 170–180 тыс. нелегальных мигрантов. Принятые после 2017 г. европейскими странами превентивные меры существенно снизили их количество, но до конца эту проблему решить так и не удалось. По существующим прогнозам, количество мигрантов из Африки, особенно молодых, в будущем будет только возрастать. Так, по данным социологических опросов, доля тунисцев в возрасте от 18 до 29 лет, желающих переехать в Европу, составляет 47 %, марокканцев – 31 %, алжирцев – 23 %, ливийцев – 21 %. Главной причиной такого стремления молодежи является тяжелая социально-экономическая ситуация в странах Магриба, что является естественным следствием функционирования навязанной им неоколониальной модели развития.

Основными странами ЕС, куда прибывают мигранты из Магриба, являются государства с традиционными африканскими диаспорами – в первую очередь, к ним относятся Франция, Бельгия, Нидерланды, Италия, Испания и Германия. Невзирая на принятые в Евросоюзе меры по их интеграции в местные общества, мигранты даже во втором и третьем поколении часто воспринимаются в Европе как граждане второго сорта. Этому способствуют и усиливающиеся исламофобские настроения в ЕС [13].

Таким образом, можно сделать вывод, что существующий ассиметричный характер взаимоотношений Магриба с Евросоюзом претерпевает существенные изменения, и перспектива «исламизации» Европы становится вполне реальной. Этот фактор будет усиливать региональную нестабильность не только на территории Магриба, но и в Евросоюзе.

3. Современное состояние внешнеэкономических связей стран Магриба с ЕС

Попытки стран Магриба отойти от неокOLONиальной модели развития и ускорить процессы региональной интеграции наталкиваются на существенные препятствия, основными из которых являются двусторонние соглашения с их главным торговым партнером – Евросоюзом. Поддержка ЕС торговли с группировкой САМ осуществляется благодаря принятым решениям о поэтапном создании зоны свободной торговли ЕС – Средиземноморье, которая направлена на устранение торговых и инвестиционных барьеров. В настоящее время страны–члены ЕС поддерживают отношения со странами Магриба через соглашения об ассоциации. Хотя такие договоренности могут быть выгодны для отдельной страны региона и для конкретных отраслей экономики, ее «долгосрочные последствия были пагубными для региональной интеграции этих стран» [15]. Поэтому в настоящее время объединение САМ остается наименее интегрированным в мире, так как доля внутрирегиональной торговли составляет менее 5 % от общего объема торгового оборота стран Магриба, что значительно ниже, чем в других интеграционных группировках [17]. Каждый год из этих стран вывозится 8 млрд долл. частного капитала, а его общая сумма, по экспертным данным, составила более 200 млрд долл. в 2010 г. Этот процесс захватил все слои общества, но особенно его образованную часть. По оценке бывшего управляющего Банка Алжира А. Хадж Насера, «средний класс Северной Африки формируется за его пределами» [26].

Ассиметричный характер экономических отношений стран Магриба с ЕС обусловлен тем, что они являются поставщиками в основном сырьевых ресурсов, а также энергоносителей и продукции первичной переработки. Особую роль страны Магриба играют в энергетике ЕС. За счет экспорта энергоносителей они обеспечивают потребности Испании в природном газе на 74 %, Италии – на 50 %, Франции – на 29 % [6].

Марокко. После получения независимости эта страна стремится проводить многовекторную внешнюю политику, но все-таки отношения с ЕС имеют приоритетный характер. Это государство (официальное название Королевство Марокко) является крупнейшим после Турции партнером Евросоюза, и получает от него значительные инвестиции. Оно занимает третье место в мире по производству и

экспорту фосфатов (после США и КНР), что позволило ему стать одной из крупнейших экономик на африканском континенте.

Евросоюз и Марокко создали Зону свободной торговли в рамках Соглашения об ассоциации между ними, подписанном в 1996 г. (вступило в силу в 2000 г.), а также Соглашения о дополнительной либерализации торговли сельскохозяйственной продукцией, рыбой и рыбопродуктами, которое начало действовать с 2012 г. В 2008 г. на седьмой сессии Совета ассоциации Марокко – Евросоюз было официально объявлено о получении королевством статуса продвинутого членства в его отношениях с Евросоюзом. Переговоры о создании углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли между сторонами начались в 2013 г., их последний раунд состоялся в апреле 2014 г., после чего они были приостановлены по просьбе Марокко. В 2021 г. ЕС предложил обсудить проблемы торговых и инвестиционных отношений с Марокко применительно к меняющейся ситуации в мировой экономике [33].

В настоящее время Брюссель является крупнейшим торговым партнером Рабата, на долю которого в 2019 г. приходилось 56 % внешнеторгового оборота королевства. В Евросоюз направляется более 60 % экспорта Марокко, а из него поступает 51 % импорта. Общий объем торговли товарами между Марокко и ЕС в 2020 г. составил 35,3 млрд евро, а его главными торгово-экономическим партнерами являются Франция и Испания. Основные экспортные товары королевства в страны Евросоюза – это электрические машины и транспортное оборудование (40,8 % от общего объема), агропродовольственные товары (16,2 %), а также текстиль и одежда (15,1 %). Экспорт ЕС в Марокко составил 20,1 млрд евро, а главными товарными группами являлись электрические машины и транспортное оборудование (23,5 %), за которыми следовали химикаты (10,8 %), топливо и нефтепродукты (9,4 %), агропродовольственные товары (9,3 %), а также текстиль и одежда (7,1 %).

Следует отметить, что гибкая и последовательная внешнеэкономическая политика Марокко позволила ему наладить выгодные связи со многими государствами, но нерешенный «западносахарский вопрос» препятствует королевству в полной мере реализовать свои возможности.

Алжир. Во время холодной войны Алжир поддерживал тесные экономические связи с Советским Союзом, и его военное сотрудничество с современной Россией «является наследием этих отношений». Такая ориентация этой страны обусловлена ее непростым колониальным прошлым. Президент Алжира А. Теббун неоднократно настаивал, чтобы Франция официально признала свои преступления в период колониального владычества и извинилась за них. Только тогда, по его мнению, отношения между двумя странами улучшатся. Но отказ Э. Макрона пойти на этот шаг свидетельствует о том, «что примирение между двумя странами в настоящее время невозможно». Как следствие, Алжир может разорвать торговые связи с некоторыми французскими компаниями, работающими в этой стране, а также отложить переговоры об экспорте природного газа во Францию, который необходим Парижу для преодоления отрицательных последствий энергетического кризиса. Как считает египетский журналист А. Амира, это негативно отразится на французской экономике, а также на имидже и влиянии Франции в Северной Африке, регионе Сахеля и Сахары. [2]. Сложность отношений с ЕС характеризует и тот факт, что в ноябре 2019 г.

Европарламент принял резолюцию, в которой подверг критике правительство Алжира за произвольный и незаконный, по его оценке, арест протестующих граждан.

В настоящее время объем торговли между ЕС и Алжиром составляет около 50 млрд долл., что является самым большим показателем в Северной Африке, но вместе с тем эта страна получает финансовую помощь от ЕС намного меньше, чем другие страны Магриба. В период 2007-2017 гг. эта сумма составляла в среднем 61,4 млн евро в год по сравнению с 698,5 млн евро для Марокко и 454,8 млн евро для Туниса [14].

Добыча и последующий экспорт углеводородов являются наиболее важными источниками доходов в Алжире – они составляют примерно треть ВВП, около 60 % государственного бюджета, а также 95 % стоимостного объема экспорта. Алжир занимает 10-е место по мировым запасам природного газа и 6-е – по его поставкам. Он входит в число крупнейших производителей нефти (16-е место в мире) и экспортирует почти половину ее общей добычи.

Как и у Марокко, главным торговым партнером Алжира является Евросоюз, половина внешнеторговых операций страны осуществляется с его странами-членами. Он занимает 20-е место по импорту ЕС и 24-е место по его экспорту. По данным Еврокомиссии, основные статьи экспорта Евросоюза в Алжир – это машины, транспортное оборудование, сельскохозяйственная продукция, химикаты, железо и сталь [19]. Учитывая особое значение Алжира для экономики Евросоюза, глава его внешнеполитического ведомства Х. Боррелль в 2020 г. заявил, что он «особенно важен не только из-за своего размера и его роли в регионе и во всей Африке, но и из-за уз, которые нас связывают. Цель ЕС – поддерживать взаимовыгодное партнерство» [10]. Но традиционная ориентация Алжира на Россию и его отказ поддержать антироссийские санкции, по мнению американского профессора С. Бланка, «все больше раздражает западные правительства [37].

Ливия. До 1951 г. Ливия была колонией Италии. В 1969 г. к власти в этой стране пришел полковник М. Каддафи, который установил политический режим так называемой джамахирии. За 42 года его правления, во многом благодаря запасам нефти, Ливия стала одной из самых развитых стран Африки. Но стремление ее лидера проводить независимую внешнюю политику привело к тому, что в 2011 г. Евросоюз инициировал гражданскую войну в стране, после чего она фактически прекратила свое существование. В настоящее время официальные власти Ливии контролируют не более 10 % своей территории, и в ней сейчас действуют два правительства: на востоке страны, которое поддерживает парламент, и правительство национального единства в Триполи. Для преодоления многолетнего раскола достигнута договоренность о проведении всеобщих выборов, которые могут состояться в августе–сентябре 2023 г. [5].

Политическая нестабильность привела к тому, что из-за отсутствия достоверных сведений состояние национальной экономики Ливии оценить сложно. Официальные правительственные отчеты о макроэкономических данных недостаточны, а данные, представленные международными организациями, являются неполными. В стране фактически нет практики соблюдения контрактов, а также отсутствуют механизмы прозрачности или подотчетности бизнеса. По оценочным данным, вследствие

пандемии COVID–19 экономика этой страны сократилась на 59,7 % в 2020 г., а совокупная стоимость экспорта и импорта составила примерно 110 % ВВП Ливии [28]. Так как нефтяная отрасль является главным сектором национальной экономики, то борьба за контроль над ней стала основной причиной вооруженных столкновений между различными политическими силами. Вследствие этого добыча нефти в 2017 г. достигла пятилетнего максимума и стимулировала рост ВВП [21]. Вместе с тем, политическая нестабильность, высокий уровень коррупции, рост инфляции не позволяют наладить полномасштабное торгово-экономическое сотрудничество с другими странами, и в первую очередь с Евросоюзом.

В настоящее время у ЕС нет торговых соглашений с Ливией, но он является ее крупнейшим торговым партнером, доля которого в 2020 г. составила 51 % внешнеторгового оборота этой страны (7,8 млрд евро). Импорт ЕС из Ливии достиг 4,0 млрд евро, в нем преобладали топливо и продукты горнодобывающей промышленности (97,0 % общего объема экспорта). Нефть и нефтепродукты были экспортированы на сумму 3,22 млрд евро или 80,5 % от общей суммы поставок в ЕС. Экспорт ЕС в Ливию составил 3,8 млрд евро, и в нем преобладали топливо и продукты горнодобывающей промышленности (39,5 % от общего объема), сельскохозяйственные и сырьевые материалы (23,7 %), а также машины и транспортное оборудование (18,4 %).

Финансовая помощь Евросоюза Ливии за период 2014–2020 гг. составила 98 млн евро, что является крайне мизерной величиной. Из-за нестабильной политической ситуации в этой стране ЕС с 2017 г. оказывает финансовую помощь посредством ежегодных «специальных мер», а не в рамках многолетнего процесса создания и реализации соответствующих программ, что позволяет ему оптимально реагировать на быстро меняющиеся условия. В сущности, единой политики в Евросоюзе в отношении Ливии нет, и разногласия внутри него по этому вопросу значительны. Как обоснованно отмечается на сайте EU Reporter, «мечта ЕС об общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ) умерла в Ливии – нам просто нужно выбрать песчаную дюну, под которой мы сможем ее похоронить» [12].

Тунис. Тунис до 1956 г. являлся протекторатом Франции и, соответственно, поставлял в основном сырьевые ресурсы для обеспечения потребностей французской экономики. После создания Евросоюза он в 1995 г. заключил с Францией Соглашение об ассоциации, которое вступило в силу в 1998 г. Таким образом, это государство стало первым партнером ЕС в странах Южного соседства (Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Марокко, Палестина, Сирия и Тунис), подписавшей такой документ.

ЕС является крупнейшим иностранным инвестором в Тунисе (85 % объема ПИИ в стране) и главным торговым партнером Туниса, на долю которого в 2020 г. приходилось 57,9 % его внешнеторгового оборота. 70,9 % экспорта Туниса было направлено в ЕС, а 48,3 % импорта Туниса поступило из европейских стран. Эта страна является 35–м крупнейшим торговым партнером ЕС – 0,5 % от общего объема международной торговли ЕС в 2020 г. В целом объем торговли товарами между Евросоюзом и Тунисом в 2020 г. составил 17,4 млрд евро. Импорт ЕС из Туниса достиг 8,6 млрд евро и в основном состоял из машин и транспортного оборудования

(40,7 % общего объема его экспорта в ЕС), текстиля (23,5 %) и сельскохозяйственной продукции (8,1 %). Экспорт ЕС в Тунис составил 8,8 млрд евро, и в нем преобладали машины и транспортное оборудование (32,9 % общего объема экспорта в Тунис), за которыми следовали текстиль (12,5 %), минеральные продукты (9,1 %), химикаты (9,1 %), а также пластмассовые и резиновые изделия (7,9 %).

Для активизации двусторонних связей между сторонами в настоящее время ведутся переговоры о создании углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли, которые были начаты в 2015 г. Но, по мнению итальянских исследователей, преимущества более тесной интеграции с Евросоюзом для Туниса менее очевидны [29]. То есть, если перевести с дипломатического языка на обычный – они будут просто ничтожны или даже негативны. Поэтому в докладе амстердамского аналитического центра The Transnational Institute в 2020 г., указано, что «Тунис погружается в экономическую пропасть, потому что он активно следует предписанной ЕС экономической политике». В нем также отмечается, что неолиберальные рекомендации, которые продвигает Евросоюз в этой стране, прямо способствует созданию в ней неокOLONИальных экономических структур [4].

Мавритания. В колониальный период это название носила одна из территорий Французской Западной Африки, которая в 1960 г. провозгласила независимость под таким же названием. В 2017 г. в исследовании сотрудника Норвежского института международных отношений М. Боаса, проведенного по заказу Европарламента, указано, что эта страна сталкивается с несколькими взаимосвязанными проблемами развития: низкой эффективностью использования доходов от экспорта природных ресурсов, не диверсифицированной структурой экономики, невысоким качеством управления. Эти проблемы усугубляются сложными политическими отношениями между тремя основными этническими группами в стране, где доминируют арабо-берберские кланы [38].

В середине 1960–х гг. Марокко и Мавритания, ссылаясь на исторические, географические, этнические и другие факторы, официально предъявили в ООН свои территориальные претензии на Западную Сахару, одновременно оспаривая права друг друга на эту территорию. Этот территориальный спор отражается на торгово-экономических отношениях со странами–партнерами, в том числе и с государствами–членами Евросоюза.

На официальном сайте Еврокомиссии указано, что партнерство между Мавританией и ЕС основано на политическом диалоге, экономических и торговых отношениях и сотрудничестве, охватывающем многие сферы. В 2014 г. ЕС принял решение выделить Мавритании 195 млн евро для реализации социально-экономических программ и стал, таким образом, первым международным донором в этой стране. Она подписала с ним Соглашение об экономическом партнерстве, а в июне 2022 г. депутаты Европарламента поддержали договоренность о правилах рыболовства между ЕС и третьими странами, что позволит судам из Франции и Германии ловить рыбу в мавританской экономической зоне в соответствии с оговоренными квотами. За это, в соответствии с достигнутым соглашением, ЕС будет выплачивать мавританскому правительству 57,5 млн евро в год.

Мавритания до настоящего времени является одной из беднейших стран Африки, где не только не уничтожена, но и процветает работорговля. В ней очень мало пригодных для использования пахотных земель, поскольку около 60 % территории страны занимают пустыни. Существует серьезная проблема с питьевой водой и лишь 2/3 жителей Мавритании имеют к ней доступ. Разведанные месторождения полезных ископаемых разрабатываются иностранными компаниями и фактически не принадлежат местным властям. При этом страна располагает обширными месторождениями железной руды, на долю которых приходится почти 50 % от общего объема экспорта.

Кроме добычи и поставок полезных ископаемых (железной руды, золота, меди), вылов и экспорт рыбы в страны ЕС является одним из основных источников иностранной валюты. Учитывая давние традиции морского промысла в этой стране, около 60 % моряков, работающих на европейских судах, это мавританцы [39].

Западная Сахара. Самопровозглашенная Сахарская Арабская Демократическая Республика (САДР) контролирует около 20 % территории страны, остальная часть (80 %) занята и управляется Марокко. На эти земли претендуют и другие государства Магриба – Мавритания, Алжир, а также созданный в 1973 г. Фронт ПОЛИСАРИО (признанный ООН в 1979 г.), который поставил целью освобождение страны от марокканской оккупации.

В настоящее время Западная Сахара находится на грани полномасштабной войны, вооруженные конфликты в ней происходят практически постоянно. В ноябре 2020 г. боевые действия между Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО возобновились и продолжаются до настоящего времени. В территориальном споре руководство ЕС большей частью поддерживает Марокко, и поэтому в 2012 г. Западная Сахара, как часть ее территории, была включена в двустороннее торговое соглашение между Брюсселем и Рабатом. Но в 2016 г. суд ЕС вынес решение против включения спорной территории в это соглашение, подчеркнув, что Западная Сахара имеет «отдельный и особый статус» и может быть законно включена в соглашение только с явного согласия ее населения. В 2018 г. ЕС и Марокко на основе консультаций, которые европейские дипломаты провели со сторонниками Рабата на территории Западной Сахары, внесли поправки в это соглашение, чтобы заявить, что получили согласие местного населения. В своем новом постановлении от 29 сентября 2021 г. суд ЕС вновь признал недействительным включение Западной Сахары в двусторонний акт, невзирая на протесты Рабата и давление руководства ЕС [36]. Решения суда ЕС в пользу ПОЛИСАРИО, как полагают многие исследователи, будут иметь далеко идущие последствия для отношений ЕС с Марокко. Так, рыболовным судам Евросоюза больше не будет разрешено работать в водах Западной Сахары по марокканским разрешениям. Имеется и ряд других изъятий [24].

Соединенные Штаты также активно участвуют в конфликте вокруг этой частично признанной республики. В декабре 2020 г. после установления королевством дипломатических отношений с Израилем, они объявили, что признают полный суверенитет Марокко над Западной Сахарой. До настоящего времени «западносахарский вопрос» является «непосредственной причиной сохранения состояния напряженности между Марокко и Алжиром» [3]. Научный сотрудник

Института Востоковедения Г. Лукьянов считает, что данный конфликт по своей значимости для Северной Африки «равноценен палестинско-израильскому конфликту в Западной Азии».

4. Перспективы развития внешнеэкономических связей стран Магриба с Евросоюзом

Учитывая рост глобальной и региональной нестабильности, перспективы развития внешнеэкономических связей стран Магриба с Евросоюзом выглядят крайне неопределенными. Очевидный кризис неокOLONиальной модели развития, навязанной африканским странам, снижение роли Запада в мировой политике и экономике, рост военно-политических конфликтов, увеличение миграционных потоков из Африки и Азии в ЕС, перманентный мировой экономический кризис и другие факторы делают любые прогнозы весьма условными категориями. По мнению главного экономиста корпорации BP С. Дейла, высказанному еще в 2020 г., в настоящее время любой прогноз не может отличаться высокой степенью точности, и тем более полному соответствию будущей реальности [9]. После начала специальной военной операции России на Украине в международных отношениях начала преобладать неопределенность, – «никто не знал и не знает, что может произойти завтра, что ведет к обострению конфликтных тенденций в глобальной системе» [27].

Безусловно, Евросоюз заинтересован в сохранении своего влияния в Магрибе. Поэтому он разрабатывает экономические проекты, в том числе и высокотехнологичные, к реализации которых планирует привлечь страны этого региона. Одной из таких наукоемких разработок в ЕС является водородная энергетика. Еврокомиссия в 4 раза увеличила целевые показатели по использованию водорода в энергетике к 2030 г., половина из которого должна быть импортирована. Поэтому особое место в ее планах отведено Северной Африке, на которую, как прогнозируется, будет приходиться до 80 % импорта этого энергоносителя.

Но эти планы подвергаются критике. Так, итальянская нефтегазовая компания Eni планирует на основе использования солнечных батарей построить в Алжире завод по производству экологически чистого водорода. Но в таком случае стоимость единицы энергии будет в 11 раз больше, чем у природного газа, который в настоящее время является главным экспортным товаром Алжира. Поэтому, естественно, возникает вопрос – «станет ли Европа платить за экологически чистый водород из Северной Африки, который будет стоить в 11 раз больше, чем природный газ, и который дорого транспортировать по морю или трубопроводу?» При этом если Алжир переключит свой экспорт на водород, как предложил Евросоюз, то ему потребуется вырабатывать 500 ГВт солнечной энергии, что примерно в тысячу раз больше, чем настоящее время. Без сомнения, это «будет иметь серьезные последствия для землепользования и водопользования, а также для сырьевых ресурсов» [25].

В целом, реализация Евросоюзом и западными странами различного рода перспективных проектов сталкивается еще с одной серьезной проблемой – африканский континент в настоящее время является зоной острой конкуренции между китайскими и западными корпорациями. С 2017 по 2022 год объем торговли между Африкой и Китаем увеличился более чем в 17 раз и достиг 148 млрд долл., а с

Соединенными Штатами упал до 39 млрд [1]. По данным международной консалтинговой компании McKinsey, только к 2017 г. китайские предприниматели создали в Африке почти 300 тыс. рабочих мест.

Что касается Магриба, то китайская инициатива «Пояс и путь» стремится создать единую транспортную артерию через страны этого региона, но вместе с тем Китай крайне осторожно инвестирует в эти государства, поскольку политическая нестабильность в некоторых из них создает высокие инвестиционные риски. До последнего времени китайские ПИИ составляли менее 1 % от общего притока инвестиций в страны Магриба, более 90 % из которых получил Алжир. Что касается экспорта, то страны Магриба поставляют в Китай примерно 3 % от их общего объема, в то время как Африка в целом – до 10 %. Три страны региона (Ливия, Алжир и Мавритания) экспортируют в КНР руду, металлы и топливо. На их долю приходится почти 90 % экспорта Магриба в Китай (углеводороды из Ливии и Алжира, железо и медь из Мавритании). Марокко и Тунис поставляют в КНР небольшое количество товаров. При этом доля сырья в экспорте Магриба и остальной Африки практически одинакова (около 90 %), тогда как во всем мире она не превышает 25 %.

Иная картина складывается с китайским импортом. Китай достиг в регионе Магриба фактической монополии на продажу мотоциклов и велосипедов (75 % рынка) и явно доминирует в рыночном секторе по продаже одежды (53 %), хотя развитые страны по-прежнему занимают более четверти рынка. В сфере телекоммуникационного оборудования западные государства удерживают более трети рынка (38 %), немного опережая Китай (35 %), в то время как другие страны занимают 28 % [35].

Такая специализация африканских стран является прямым следствием функционирования неокOLONиальной модели развития, которая постепенно разрушается. Даже в такой сфере, как информационные операции, где лидерство западных стран всегда было бесспорным, Евросоюз начинает терять свои позиции. Так, по признанию влиятельной французской газеты *La Croix*, Париж проигрывает информационное противоборство своим конкурентам «вследствие поддержки коррумпированных правительств и неадекватных действий французских военных контингентов» [23].

В этих условиях у России имеются весомые шансы усилить свои позиции в странах Магриба, как и в целом во всей Африке. Как заявил в марте 2022 г. Париже бывший премьер–министр Бенина Л. Зинсу: «Африканские страны не поддержали резолюцию ООН, осуждающую Россию. И никогда не поддержат никаких резолюций против России. Это вшито в подкорку у любого африканца: Россия несет добро, чтобы вы об этом ни думали. Это константа» [8]. С этим мнением африканского политика невозможно не согласиться.

ВЫВОДЫ

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что в ситуации роста глобальной и региональной нестабильности, усиления конкуренции между США и ЕС, с одной стороны, Россией и Китаем с другой – экономические отношения стран

Магриба с Евросоюзом переживают очевидный кризис. Существовавшая в них длительное время неокOLONиальная модель развития сталкивается с серьезными проблемами, поскольку она не позволяет этим странам реализовать свой потенциал и провести необходимые экономические реформы для обеспечения насущных социально-экономических потребностей населения. Сложившаяся ситуация усугубляется также кризисом в Евросоюзе, во многом вызванным введенными им антироссийскими санкциями и невозможностью справиться с неконтролируемой миграцией из Азии и Африки. Можно предположить, что в этих условиях внешнеполитическая и внешнеэкономическая ориентация Магриба на Россию и Китай будет только возрастать, что ставит европейские страны в сложное положение в Северной Африке, которая всегда была зоной их приоритетных геополитических интересов. Это, в свою очередь, уменьшает их возможности по реализации совместных экономических проектов, и негативно отражается на перспективах двустороннего торгового-экономического и инвестиционного сотрудничества.

Список литературы

1. Абдель Рахман Шалгам. Украинский конфликт... Африка – это фронт и тыл. [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20221206/ukraine-258551395.html> (дата обращения: 13.01.2023).
2. Амира А. Макрон отказался извиниться за колониальное прошлое. Чем ответят алжирцы? [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230116/.html> (дата обращения: 12.01.2023).
3. Булайя Н. Al-Quds (Великобритания): поддержат ли русские предложение об автономии Западной Сахары? [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220407/>.
4. ЕС подрывает экономику Туниса – The Transnational Institute. [Электронный ресурс]. URL: https://rossaprimavera.ru/news/cddb2c0a_
5. Кеффер Л. В Ливии надеются провести выборы в августе или сентябре. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5758924>.
6. Конкин К. С. Марокко и Евросоюз: новый уровень взаимоотношений. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>.
7. Малапарт К. Б. Ограбить Африку, накормить Францию. [Электронный ресурс]. URL: <https://ren.tv/blog/>.
8. Милорадович А. Африка никогда не поддержит санкции против России. Наоборот, она уже готова взбунтоваться против Запада. [Электронный ресурс]. URL: <https://vg-news.ru/n/157192>.
9. Никифоров О. BP Energy Outlook. Британская компания BP представила сценарии развития мировой энергетики до 2040 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.energovector.com/>
10. Отчет о состоянии отношений между ЕС и Алжиром за 2018–2020 годы: привилегированное партнерство в сложных условиях. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.eureporter.co/frontpage/2020/12/09//>.
11. Саламова Р. В. К 20-летию Союза арабского Магриба. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/>.
12. Стивенс К. Может ли ЕС выступить с общей политикой Ливии? [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.eureporter.co/>.
13. Тюкаева Т. Миграция из стран Магриба: внешние и внутренние вызовы для Европы. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n>.
14. Alex Walsh. Algeria-Europe economic integration: Where are we now and where do we go? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mei.edu/publications/>.
15. Asmita Parshotam. Regional Integration for the Arab Maghreb Union: Looking Beyond the Horizon. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kas.de/documents/>.
16. African Union. [Электронный ресурс]. URL: <https://au.int/en>.
17. Boaz Nandwa and others. Economic Integration in the Maghreb: An Untapped Source of Growth. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/>.

18. Bruce Byiers, Poorva Karkare. North Africa More African than Ever: Maghreb Countries towards ECOWAS. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iemed.org/>.
19. Dilara Sülün. How Deep is the European Union's Economic and Political Cooperation with Algeria? The Impact of the European Agreements. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.researchgate.net>.
20. COVID-19 and the Maghreb: a more collaborative future? [Электронный ресурс]. URL: <https://oxfordbusinessgroup.com/>.
21. Economy of Libya. [Электронный ресурс]. URL: <https://fanack.com>.
22. Empire colonial français. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr/encyclopedie/>.
23. Hofnung T., Larcher L. Armée française au Sahel, les raisons d'un échec. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.la-croix.com/Monde/-2023-01-11-1201250170>.
24. Hugh Lovatt. Western Sahara, Morocco, and the EU: How good law makes good politics. [Электронный ресурс]. URL: https://ecfr.eu/profile/hugh_lovatt/.
25. Hydrogen from North Africa – a neocolonial resource grab. [Электронный ресурс]. URL: <https://corporateeurope.org/en/2022/05/>.
26. Francis Ghiles. The Maghreb refuses to share. [Электронный ресурс]. URL: <https://mondediplo.com>.
27. Laxe R. Ucrania y la economía de guerra. 2022. 08.11. [Электронный ресурс]. URL: <https://rebellion.org/>
28. Libya. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.heritage.org/index/country/libya>
29. Luca Papi, Alberto Zazzaro. How Does the EU Agenda Influence Economies outside the EU? The Case of Tunisia. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/4747164_
30. Maghreb, Africa. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldatlas.com.html>.
31. Magrib. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/word/magrib>.
32. Michaël Tanchum. The Fragile State of Food Security in the Maghreb: Implication of the 2021 Cereal Grains Crisis in Tunisia, Algeria, and Morocco. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mei.edu/publications>.
33. Morocco. [Электронный ресурс]. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/morocco_en.
34. Neocolonialism in Africa. [Электронный ресурс]. URL: <http://mun.mcoxford.org/briefings/2019/>.
35. Nizar Ben Salah. Chinese Investment in Africa, The Maghreb and Tunisia. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.magef.org/>.
36. Riccardo Fabiani. How EU should use economic influence on Western Sahara. [Электронный ресурс]. URL: <https://euobserver.com/opinion/153875>.
37. Stephen Blank. The Moscow-Algiers axis emerges. [Электронный ресурс]. URL: <https://thehill.com/opinion/international/3806949>.
38. Study for the European Parliament: «State of play of EU-Mauritania relations», by Morten Boas. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tepsa.eu>.
39. The European Union and Mauritania. [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/mauritania/european-union-and-mauritania_en?s=109
40. The Maghreb Union is one of the world's worst-performing trading blocs. Here are five ways to change that. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/06/>
41. What Is The Arab Maghreb Union? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldatlas.com/articles/>.
42. Секачева А. Б. Особенности взаимосвязей Франции с бывшими африканскими колониями в рамках международной организации франкоязычных стран // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. Т. 8 (74). № 3. С. 110–122.

Статья поступила в редакцию 14.04.2023